

В.А. БОЛОТОВ, академик РАО, вице-президент Российской академии образования (глава Рособрнадзора в 2004-2008 гг.), г. Москва
e-mail: vadimilrao@yandex.ru

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ПЕРВОЙ СТУПЕНИ: КАК РЕФОРМИРОВАТЬ БАКАЛАВРИАТ

Бакалавриат, на который перешли практически все российские вузы — это по-прежнему образование по специальности. В вузах необходимы программы общего высшего образования, а студенты должны получить возможность выбора образовательных траекторий, считает вице-президент Российской академии образования Виктор Болотов.

Bachelor degree, to which practically all Russian higher education institutions have passed, are still education in the specialty. In higher education institutions programs of the general higher education are necessary, and students must have an opportunity of a choice of educational paths, the vice-president of the Russian Academy of Education Victor Bolotov considers.

В Советском Союзе традиционно существовала жесткая связь между вузами и рынком труда. Фактически все вузы были отраслевыми, получали поддержку от работодателей, их студенты проходили практику на базовых предприятиях. Но в новой России эта система разрушилась — в 1990-е годы вузы перестали беспокоиться о связях с рынком труда по причине его сильной деформации. К тому же возник ажиотажный платежеспособный спрос на ряд специальностей высшего образования: подготовку юристов, экономистов и менеджеров открывали практически везде. Программ появлялось все больше, и высшее образование фактически стало общедоступным: чтобы поступить, не нужно было особо успевать в школе. В условиях экономической нестабильности вузы превращались в камеры хранения для выпускников школ.

При отсутствии требований со стороны работодателей и достойного финансирования со стороны государства качество образования постепенно ухудшалась. И дело не только в неспособности значительной части студентов к учебе. Количество преподавателей сокращалось за счет естественной убыли (молодежь на смену не приходила, выбирая другие профессии) и ухода людей в бизнес, а те, кто остались, работали в нескольких местах и как следствие не имели времени на качественную подготовку к занятиям. Многие вузы — и государственные, и поя-

вившиеся в те годы частные — стали заключать негласный договор со своими студентами: мы делаем вид, что вас учим, а вы делаете вид, что учитесь. У нас выполнены контрольные цифры приема, мы сохраняем профессорско-преподавательский состав, а вы создадите нам бюджетный контингент или, если учитесь на платном, принесите деньги — и не будем друг друга обижать. И хотя на этом фоне выделялись вузы, пытавшиеся удержать качество образования на сколько-нибудь приличном уровне или даже стремившиеся прорваться в послезавтра, изменить общую картину они не могли.

На рубеже веков у государства начали появляться деньги на образование, а рынок труда начал подавать сигналы, пусть даже не очень внятные, что ему нужны квалифицированные кадры. Но кадров не было — особенно остро их нехватка ощущалась в оборонке, в добывающих отраслях, на предприятиях Росатома, где для работы на новом оборудовании нужны были подготовленные специалисты. При этом у работодателей сохранилась с советских времен иждивенческая позиция: подготовка кадров — не наша проблема, для этого существуют государственные вузы. И вузы начали приходить в сознание, пытались сообразить, какова зона их ближайшего и долгосрочного развития. Некоторые ректоры поняли, что у дешевых программ есть репутационные риски и что их лучше закрывать. В середине

2000-х наметилась тенденция закрытия филиалов.

При этом у населения по-прежнему сохранялся спрос на высшее образование любого качества, точнее — на получение диплома о высшем образовании. Был случай, когда Рособрнадзор закрывал филиал вуза, работавший на базе ПТУ в кубанской станице, и ко мне приезжали жаловаться родители студентов вместе с главой администрации станицы. Готовили там экономистов, юристов и менеджеров, потребности в которых в станице не было — все они надеялись найти работу в Краснодаре или Москве, где таких, как они, и так хватало. А детям внушали надежду, что работу по специальности они легко найдут. И с такими случаями приходилось сталкиваться постоянно. Но смысл существования таких вузов и филиалов все-таки был — они удовлетворяли спрос населения на получение гуманитарного образования. Другой вопрос, что там имитировали получение профессии.

ЕСТЬ ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА ВЫСШЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ?

Не пытаюсь оспорить право людей на получение высшего образования, стоит задать вопрос, нужно ли всем желающим высшее образование по тем программам, которые сегодня предлагают российские вузы, готовы ли они осваивать эти программы. У государства и работодателей возникают вполне обоснованные претензии к качеству образования

— отсюда идеи реструктуризации вузовской сети, санации слабых вузов, программ и прочее.

Если бы все студенты хотели не просто провести четыре года в вузе, но и освоить выбранную специальность, то они, образно говоря, пахали бы — все силы отдавали учебе. На деле так не происходит. Аналогия — корочки кандидатов наук: многие хотят их получить, но нельзя же бесконечно удовлетворять этот спрос, присуждая степени за псевдонаучные или купленные тексты.

*Есть ли альтернатива
высшему образованию?*

Высшее образование в отличие от системы подготовки научных кадров выполняет еще и социальную функцию — альтернативы ему нет. Заставить всех людей идти в техникумы и ПТУ не удастся ни при каких обстоятельствах (при этом, конечно, нужно развивать центры профессионального совершенствования по образцу других стран — если ребенок академически неуспешен и с трудом складывает дроби, зачем ему в вузе имитировать изучение матанализа, когда можно получить востребованную и сравнительно неплохо оплачиваемую рабочую профессию?). Точно так же вызывает сомнения идея значительного сокращения количества бюджетных мест или установления высокой планки на входе для обучения за счет бюджета во всех вузах — куда денутся не поступившие абитуриенты, у которых нет средств оплатить качественное высшее образование?

На мой взгляд, оптимальный на сегодняшний день путь реформы высшей школы — изменение формата программ высшего образования, предоставление выпускникам школ и студентам права выбора различных траекторий.

Все студенты в России учатся по бакалаврским программам единого формата. Их часто называют общим высшим образованием, но это неверно. Общего высшего образования в нашей стране никогда не было и сейчас нет. Не случайно в законодательстве изначально отсутствовало понятие общего высшего образования — только профессиональное: закон, принятый в 1996 году, назывался «О высшем и послевузовском профессиональном образовании». На вопрос зарубежных коллег, почему у нас нет закона об университетском образовании, я не знал что ответить.

Бакалавриат в соответствии с действующими ФГОСами — это фактически специализированные программы: фундаментальное образование студенты получают на младших курсах, а на старших — выбирают профиль обучения, специализацию. В рамках профиля изучаются наиболее сложные, трудоемкие и дорогостоящие (для государства или семей — в зависимости от того, кто платит) предметы, организуются практики. Для тех студентов, которые не собираются работать по выбранной специализации, все это выглядит абсурдным. Характерный пример — педагогическое образование: зачем студенту, который ни дня не будет работать в школе, глубоко изучать методики и проходить практику? Бессмысленная трата времени и денег.

**КАКОЙ БАКАЛАВРИАТ
ВЫБРАТЬ?**

При поступлении в вуз человек должен иметь выбор, какое высшее образование получать: общее или профессиональное.

Нужно разработать и апробировать программы общего (беспрофильного) бакалавриата по действительно крупным направлениям — например, гуманитарный бакалавриат, инженерный бакалавриат, технический бакалавриат. В таком бакалавриате студентов не будут готовить по специальности и тем более под конкретные рабочие места — чтобы выйти на рынок труда, им придется дополнительно пройти переподготовку или курсы повышения квалификации. Это соответствует общемировому контексту развития высшей школы: получение профессионального образования откладывается — все больше людей в разных странах получают общее высшее образование и только потом — профессию. Ответить на вопрос «кем я хочу работать?» в 17-летнем возрасте большинству девушек и юношей затруднительно.

При этом, конечно, есть дети, которые уже в старшей школе знают, кем они будут. Для них нужны программы профессионального бакалавриата — те, которые массово предлагаются вузами сейчас и в рамках которых студент получает специализацию по выбранному профилю. Нужно сохранить возможность перехода из одного бакалавриата в другой — например, если человек поступил в профессиональный бакалавриат и понял, что профессия ему неинтересна. Или наоборот — если, поучившись в общем бакалавриате, точно определился с профессией.

*Оптимальный путь
реформы высшей школы —
изменение формата
программ.*

Но возможна и другая ситуация — если студент, поучившись два года в общем или профессиональном бакалавриате, решил, что академическое образование ему не нужно, что он хочет быстрее получить профессию в руки и

выйти на рынок труда. Тогда он может выбрать годовую программу прикладного бакалавриата. Такая траектория уместна не только для технарей, но и, например, для юристов — многие ведь и сегодня после двух лет учебы переводятся на заочное отделение, чтобы иметь возможность работать. Прикладной бакалавриат — это, по сути, техникум, но рассчитанный на тех, кто уже получил фундаментальную подготовку на младших курсах. И это высшее, а не среднее образование: у человека остается фундамент, дающий больше возможностей в будущем, в отличие от обычного техникума, где нет фундаментальной подготовки, где в большей степени готовят к конкретному рабочему месту. 20-30% студентов вузов «не тянут» программы старших курсов — именно они выберут прикладной бакалавриат.

В эту классификацию не попадают творческие специальности — возможно, стоит ввести степень бакалавра свободных искусств, а художникам и балеринам тоже предложить некую особую разновидность высшего образования.

Что касается магистратуры, то здесь необходимо четкое разделение на академическую (предаспирантура), где продолжается теоретическая подготовка, и прикладную. И если в первом случае вступительный экзамен, например, по физике должен быть основан на вопросах Ландау, то во втором случае — на кейсах.

ЧТО ДЕЛАТЬ С ВУЗАМИ?

Если провести такие изменения в направлениях и программах высшего образования, возникает вопрос, какие изменения произойдут в вузовской сети.

Очевидно, структуру высшей школы нет смысла менять кардинально — она уже сложилась. Есть университеты, которые считаются национальным достоянием, как МГУ или СПбГУ, их, следуя Гумбольдту, условно можно назвать «башнями из слоновой кости». Есть исследовательские университеты, есть отраслевые вузы, удовлетворяющие потребности конкретных отраслей. В дополнение к ним может быть введена еще одна категория — вузы, дающие общее высшее об-

разование (общий и прикладной бакалавриат).

Все больше людей в разных странах получают общее высшее образование и только потом — профессию.

Университеты — «башни из слоновой кости» и исследовательские университеты, очевидно, не будут реализовывать программы общего бакалавриата. Более того: для них и профессиональный бакалавриат — не всегда адекватная задача. В таких университетах бакалавриат и магистратура могут быть объединены в шестилетнюю моноподготовку — ректор МГУ В.А. Садовничий постоянно говорит об этом применительно к своему вузу. Когда мы разрабатывали ФГОСы высшего образования, главная проблема была в том, как различить бакалавра и магистра по компетенциям. Не так, что у бакалавра они мельче и уже, а у магистра — глубже или шире, а что умеет делать бакалавр и что сверх того умеет делать магистр. Но с такой парадигмой оценивать, например, математиков бессмысленно: можно сказать, что после бакалавриата они знают меньше, чем после магистратуры. И в этом смысле разница между четырехлетним обучением и шестилетним — только в объеме освоенного материала. Поступая на такие

программы, человек сразу может рассчитывать на шестилетнее обучение, ориентируясь на карьеру в исследовательской сфере (в Академии наук или — преимущественно для гуманитариев — в тех же университетах) или в сфере высоких технологий.

В отраслевых вузах могут реализовываться разные бакалаврские программы, в зависимости от их возможностей и спроса, магистратура. А в массовых вузах останется только общий и прикладной бакалавриат, причем, если вуз специализируется на программах общего бакалавриата, не нужно требовать от него связей с рынком труда.

НУЖНО ЛИ СРАВНИВАТЬ НЕСРАВНИМОЕ?

Сравнивать между собой все эти разновидности вузов в едином рейтинге или мониторинге бессмысленно.

Когда В.А. Садовничий возражал против деления пятилетней и шестилетней моно-подготовки, сохранившейся с советских времен, на бакалавриат и магистратуру, он, очевидно, имел в виду ведущие вузы, но его слова тут же истолковывались применительно ко всему высшему образованию. То же самое происходило с заявлениями министров — и А.А. Фурсенко, и Д.В. Ливанова — о разных решениях при реформировании разных вузов. Эти решения в ходе обсуждения пытались экстраполировать на всю высшую школу, хотя то, что необходимо МГУ, ни-

как не подходит для филиала вуза в кубанской станице.

Цикладной бакалавриат — это, по сути, техникум, но рассчитанный на тех, кто уже получил фундаментальную подготовку на младших курсах.

Бессмысленно требовать от вуза, дающего общее высшее образование, хорошо развитую науку, цитируемость работ преподавателей. Там вполне могут работать пенсионеры, которые вряд ли скажут новое слово в науке, но для студентов младших курсов они наверняка смогут доступно изложить теорию. Точно так же доля иностранных студентов важна для МГУ, для Физтеха, претендующих на ведущие позиции на международном образовательном рынке, но этот критерий вообще не имеет смысла при оценке, например, педагогических вузов. Там не будет иностранцев хотя бы по той причине, что у себя в стране их не допустят к работе в школе без национального диплома.

Тенденция последних лет — укрупнение вузов: так государство

пытается улучшить качество образования. Этот процесс неизбежный, общемировой, но он тоже не решает всех проблем: минус на минус редко дает плюс — если пять плотов соединить досками, корабль не получится. Если присоединять, например, педагогический вуз к классическому университету, слишком велик риск, что все лучшие кадры из педагогического перейдут на более продвинутые кафедры классического университета, и наоборот, слабые университетские преподаватели будут вытеснены на педагогические кафедры. Качество подготовки педагогов при этом только ухудшится. Если уж принимать решение об укрупнении, то полтора-два года только над программой развития нужно работать, как это было, например, в середине 1990-х годов при создании Новгородского государственного университета, одного из немногих успешных примеров интеграции. Отмечу, что при объединении неизбежно закрытие части программ, и это нормально.

Что касается идеи закрытия (саниации) вузов, которая тоже активно обсуждается, то я ее не очень понимаю: что в этом случае делать с профессорско-преподавательским составом, со студентами? Или они перейдут в другой вуз? И почему от этого перехода что-то

улучшится? Тем более, на каком основании закрывать вуз, если он имеет лицензию и работает в соответствии с госстандартами? А вот отдельную программу можно санировать, прекратить на нее набор, как это было сделано в МИСиСе с подготовкой юристов. Если же вуз в целом слабый, явно не дотягивает до уровня МГУ или Высшей школы экономики, но работает по госстандартам и его студенты соответствуют минимальным требованиям на входе и на выходе, и даже если он никогда не подготовит нобелевских лауреатов, то зачем его закрывать? Ведь он решает проблему доступности высшего образования для разных социальных слоев.

Главная проблема — как различить бакалавра и магистра по компетенциям.

Так или иначе, тотальные решения, касающиеся всей системы высшего образования, при проведении реформы вредны и недопустимы.

Ключевые слова: вузы, реформа образования.

НОВОСТИ

ПРОГРАММА ПОДДЕРЖКИ УЧЕНЫХ БУДЕТ ПРОДОЛЖЕНА

Практика поддержки ученых через распределение мегагрантов приносит хорошие результаты, будет сохранена. Об этом заявил президент РФ Владимир Путин в Сочи на майской встрече с преподавателями и студентами Южного федерального университета (ЮФУ).

«Мы будем и дальше поддерживать, может быть, немного модернизируем систему мегагрантов. Это тоже чрезвычайно интересная вещь, которая дала хороший результат, заключающийся в том, что к нам начали приезжать исследователи — и наши бывшие соотечественники, и просто иностранные коллеги, и наши ученые, которые с использованием этих средств привлекают молодых исследователей для разработки той темы, на которую они получили этот мегагрант», — пояснил глава государства.

Во время встречи аспирант ЮФУ Елена Крамарова посетовала, что выпускники вузов не желают идти в науку, поскольку престиж научной деятельности падает, и поинтересовалась у президента, что намерены предпринять власти для исправления ситуации. В. Путин ответил, что для этого нужно создать условия для научной деятельности и повышать материальное благосостояние тех, кто занимается наукой.

НОВЫЙ ПРИКАЗ МИНОБРНАУКИ О ПОРЯДКЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Министр образования и науки РФ Дмитрий Ливанов подписал приказ «Об утверждении порядка организации и осуществления образовательной деятельности по основным программам профессионального обучения».

Приказ №292 от 18 апреля 2013 года вступит в силу с 1 сентября 2013 года.

Полный текст приказа опубликован в приложении к нашему журналу «Инновации в профессиональном образовании» №6, 2013 г., а также на сайте Министерства образования и науки РФ.